

БАБУШКИНА ФИЗКУЛЬТУРА

Зима совсем испортилась. Январский ветер выметал с оледеневших улиц последнюю снежную крупу, что-то насвистывая себе под нос. Ему все равно, что физкультура пропадает. Ладно — коньки! Воды из шланга налил да катайся. На Медео даже летом на коньках катаются! А лыжи? С лыжами что прикажете делать?!

Таня водила пальцем по заиндевевшему стеклу, отогревая клочки заоконного мира. Сарай совсем сгорбился, почернел, углы заострились. Поскрипывает, мол, живой, не бойсь. За забором солдаты рукавицами постукивают, заledenели рукавицы-то, а снег все равно чисть. Вернее, сметай. Снегу-то — с гулькин нос. И чего его мести? Машина пройдет, снова надует. Солдатики ходят как цапли, ноги поджимают. На метлу обопрутся и прыгают.

У Тани температура. Успела с утра градусник на батарее нагреть — тридцать семь и восемь. Достаточно, чтобы в школу не ходить. За тридцать восемь нагреешь, еще в больницу повезут. Неохота в мороз такой на улицу. В школе отопление поломалось, домашних плиток натащили, все равно мороз до костей пробирает. Лучше уж дома у печки.

«Разве это зима?» — вздохнула Таня, сползая со стола, придвинутого вплотную к окну. Чтобы правильный свет был. Учебники, книжки, тетрадки... Не до них. Вышла на веранду. У стенки притулились лыжи — новенькие, ни разу ненадеванные. Пластиковые. Прежние пахли краской и деревом. Эти ничем не пахнут. Таня из деревянных выросла. Вон — целый комплект смазки к новым-то. Только чем температуру мерить? Градусник в снег не засунешь (это уж совсем дурочкой надо быть). Про воздух по телику рассказывают. Но почему-то только в Москве и Ленинграде, про Южно-Сахалинск молчат. Будто в Южно-Сахалинске лыжи мазать не надо. Без смазки не поедут. Пробовали как-то с бабушкой. Бесплезная трата времени.

...Снега тогда по самую крышу намело, дверь не смогли открыть. Навалились втроем — бабушка, мама и Танька, дверь чуть отошла, и все.

— Ура! Замуровали! — обрадовалась Танюха.

— Нашла чему радоваться, — улыбнулась бабуля. — Этак до весны замурованные и просидим.

А у самой глаз лукавый, огнем светится. Не верит ей Танька про весну. Про ужасы так не говорят. Ужасы молча передают. На маму, когда она соберется

ужасное рассказать, бабуля цыкнет, та и притихнет. Ужасы — это когда на работу не устроишься. Когда уголь не укупишь, а в углярке ведер десять от силы. Или свет тайфуном оборвет. Ужасы, когда мама в командировку уезжает, а у бабушки камни в почках зашевелиятся. Танька тогда ноги в руки и до телефона к ресторану бежит: «Дяденька, скорую!» Очередь у телефона шипит, извивается. «У меня бабушка, — хнычет Танька, — помрет, я одна останусь!» Дяденька дрогнувшей рукой наберет «ноль три», подождет и уже официальным голосом продиктует в трубку бабушкино имя, отчество, фамилию, возраст, адрес, место работы, что беспокоит... Таня выучила симптомы и диагноз, четко диктует по слогам, мужчина так же четко передает в трубку. Понимает — дело серьезное.

Скорая еще немного думает, торопиться ей или нет. В конце концов две замученные, пожелтевшие от вызовов тетеньки увозят бабушку в больницу. За Таней прибегает соседка. Ну не совсем соседка — тетя Глаша, бабушка Танькиного детсадовского одноклассника. Высокая, сухая, жилистая, в вечной косыночке. Она там, за рекой живет, в одиннадцатом микрорайоне. Таня закрывает дверь на ключ, подхватывает пакет с пижамой и командует:

— Пойдем, тетя Глаш! Я Жорку сто лет не видела.

У тети Глаши в квартире народа битком. В трех комнатах дочь с зятем, Жорка, внук (старший), Юлька, сестра его (младшая), ну и сама тетя Глаша, разумеется. С вареньями, соленьями, настойками и пирожками по выходным. Еще у них кольца есть. Прямо к потолку прибиты, на них висеть можно и подтягиваться. Очень удобно в цирк играть. Танюха еще не очень умеет. Но скоро научится вниз головой висеть и «березку» держать ровно-ровно, долго-долго... Бабушки физкультуру поощряют.

...В ту снежную зиму Тане купили первые лыжи. Светленькие, сверху лаком протянутые, с рыжими снежинками на носу.

— Ба! Лыжи-то конопатые! — прыснула со смеху Таня.

— Ну конопатые, — согласилась бабуля, — зато прочные какие, гляди!

Крепления детские. Это Таню, конечно, расстроило. Нога до взрослых не доросла. Потому не в ботинках, а в валенках кататься придется. По телику видела, как спортсмены лихо с гор съезжают и обратно забираются. И тебе елочкой, и в накат, а то просто толкнутся раз и несутся, замерев. Диво!

Вечером дождались, чтоб потемнее было, выбрались во двор. Танюшке совестно, вдруг подсмотрит кто, как она не умеет. Засмеют. Да и бабуле днем объяснять некогда. Дела! На птицефабрике столько полов. Покуда все перемоешь, куры сто раз снесутся. Потом дома — одно, второе, пятое. Вот так в потемки и вышли. Бабуля внучку на горку посадила, сама вскарабкалась. Таня в крепления впуталась, палки схватила и — нырь! — с горы в огород. Там снега! Благодать! А лыжи не едут... Таня проваливается, по самую холку зарываясь в сугроб. Неправильные лыжи какие-то. Не едут. Никак! Пот из-под шапки ручьем, по спине вообще рекой.

— Ты лыжню, лыжню-то сперва натопчи! — бабуля сверху кричит. И рукой показывает, как лучше топтать-то. — Натопчешь лыжню, легче кататься будет.

Это, значит, круг сделать да еще десять, чтобы лыжные следы натянулись как ниточки и держали Таню-колобка, не роняли. Покрутилась, потопталась.

— Ба! — снова кричит. — Я больше не могу физкультуру!

Еще шаг, и провалилась с головой в вязкую снежную вату. Сил нет, не выбраться. Глаза и рот залепило. Ресницы слиплись, челка висит сосулькой. Облачка пара вырываются изо рта, долетают до почерневшего, беззвездного неба. Вон месяц висит рогулькой. А звезд не видать. Дыхание быстро остывает. Зябко. Будто миллионы иголок вонзились в руки и ноги. Сразу.

— Горе ты мое, горе! — бабушка спешит к внучке, утопая по грудь в снегу. Добралась, за капюшон ухватила — тащит. Не лыжня, а траншея получилась. Таня плывет себе в бабулином фарватере. Лыжи на ногах болтаются. Жалко бабулю. Да Танька совсем теперь бесполезная.

— Говорила, легче одевай, а она — шубу! Ребенок на лыжах кататься, а она — шубу! — ворчит бабуля, втаскивая Танюху на последний снежный редут. — Ну все! — отдыхивается. — Снимай свои деревяшки!

Мама не верит ни в какие скорости и лыжи. Мама верит в мороз и простуду. И в бюллетень, на котором придется сидеть, если Таню совсем развезет. Потому собрала не лыжницу, а капусту. Сто одежек. И все с застежками. Колготки, рейтузы, штаны, сверху комбинезон. Футболку, рубашку, свитер с горлом, кофту, шубу. Две шапки, капюшон.

— Хорош лыжник получился! — уже смеется бабуля, оттаивая Таню у печки.

Тазами загремели, сейчас мыть будут. «Пусть что хотят, то и делают», — засыпает Таня, развалившись на полу в кухне. Валенки сушатся, снегом пахнут. Васька-кот, из Сибири привезенный, смотрит круглыми зелеными глазами на гору лыжной амуниции и диву дается — дела! Подошел к Танюхиной сонной мордахе и давай вылизывать. Язык шершавый, щекотно. В волосах запутался. Коса длинная, Ваське надолго работы.

...Во втором классе Тане купили лыжи с настоящими креплениями! Просверлили дырки в лыжных ботинках, купили смазку — все по науке! Танюха здоровая. В огороде тесно стало кататься, на школьном стадионе — скучно! Что делать? Бабуля всех на лыжи поставила: у мамы красные, у Тани синие. Спортивные костюмы купили, шапочки. И давай в горы бегать. Мама с Таней быстрые: вверх по улице, до лыжни скоро бегут. Бабуля потихоньку следом. Ей лыжи не купили почему-то. Но она и так, пешком, догонит. В гору — не с горы, тихонько даже на лыжах идешь. Таня оглянется: бабуля сзади. Во-он! Ну видно же! Черная цигейковая шубка, серая каракулевая шапка. Встанет, подождет, чтоб догнала. Заодно сама отдышится. У бабули лицо белое, а щеки розовые-розовые. Заглядится Таня, задом попятится и — плюх!

— Ба! — кряхтя выбирается из очередного кювета. — Надо тебе белую шубку купить и кокошник. Будешь как Снегурочка.

— Ага! И Деда Мороза приставить! — смеется бабуля, помогая Танюхе разобратся в ногах. Отряхнула, по носу щелкнула. — Беги! Мать-то вон уж где!

Да, без бабули никак. До Долины туристов доберешься, а там горки — ух! Только ветер свистит в ушах. У Тани тормозить еще не очень получается. С такой скоростью вариантов приземления только два — за деревья внизу ухватиться либо — что предпочтительней — в кювет нырнуть. А то вылетишь на лыжню, собьешь кого. Или тебя собьют. Авария гарантирована. Бабуля как увидит, что тормозной путь кончается, сразу руками машет и кричит: «Тормози!» Таня садится на землю между лыж, а там уж куда занесет. Хорошо, что бабуля внизу стоит. Далеко видно. Нет, не надо ей белой шубки, черная в самый раз. Стоит, с ноги на ногу переминается, варежки снимет, в ладошки дует. Ждет, когда Танюха сверху прилетит: «Ба-бу-ля-а-а!»

...Совсем зима испортилась. Снега нет. Лед один. Мутный, с белыми разводами. На улицу выходить боязно, упадешь, ногу сломаешь или вовсе расшибешься. Бабули нет, кто соберет?

Таня лыжи гладит. Новенькие совсем. Подошва пластиковая. В прошлом году без палок научилась кататься. На этих, говорят, без палок проще. Как на коньках — едешь себе и едешь. Чуть вперед наклониться, и лыжи сами ход наберут.

ТЕТЯ МАМА

Из ванной доносился горячий запах блинчиков. В кухне — печь (ее топить), в ванной — плитка (электрическая). Так что ничего особенного.

Бабушка сидела за плиткой каждое воскресное утро, управляясь с двумя сковородками, распаренная, раскрасневшаяся. Прибежит Танюха, схватит блин — вку-у-усно!..

— А вы кто? — удивляется Таня, наткнувшись в ванной на незнакомую тетю в очках. Круглолицая, круглобокая, тетя ловко поворачивалась среди тазиков с тестом, тарелок с готовыми блинчиками, окунала палочку с намотанной марлей в масло, весело натирала сковороды, тут же хватала половник, и вот — блин переворачивался в воздухе румяной стороной вверх.

— Альбина. С тобой поживу, пока мама не вернется, — улыбнулась тетя. — Ее в Москву отправили. В командировку. Ну? Чего смотришь? Хватай, пока горяченький.

Альбина свернула пылающий блин вчетверо, перекинула на блюде.

— Сгущенкой полить?

— Нет, спасибо. Я так... — задумалась было Таня. Но немедленно очнулась: — А вообще-то полить.

Альбина новенькая. Раньше Таня ее не видела. Тетя Оля, тетя Валя, Инга Валерьевна (тетей ее сложно назвать — очень взрослая), еще дядя Толя, дядя Гена, дядя Олег. Таня всех на маминой работе знает. У тети Оли муж — старпом, в моря ходит. Живут в малосемейке. Комната с маленькой кухонькой. Ванна сидячая. Нина — дочка — на шкафу спит — на «второй полке» (везет же...). Сами на матрасах, о кровати только мечтают. Потом еще Вовка, братик, родился, совсем тесно стало. Таню у тети Оли только днем оставляли. Они с Нинкой как-то в Северный полюс играли: набрали в ванну ледяной воды (горячую отключили), залезли вдвоем и давай волны делать.

Тетя Валя во Владимировке жила. Туда ближний свет бегать. Трубы печные небо копят, собаки лают. Тете Вале за сорок, некогда ей с Танюхой возиться. Но на работе доглядывала, уроки иногда проверяла.

У Инги Валерьевны один раз ночевала. Она вообще через дорогу от работы живет. Маленькая, сухонькая, голосок кукольный. Даром, что старше всех. Они с Таней одного роста. У нее дочка. Поздний ребенок. Живут вдвоем. И очень правильно. Инга Валерьевна согласилась Таньку взять, потому что больше некому. А что такое поздний ребенок и чем он отличается от обыкновенного, Таня постеснялась спросить. Всю ночь пошевелиться боялась. Инга Валерьевна с дочкой даже спали одинаково: на спине и дышали в такт. Страшно тишину нарушить, дыхание сбить. Таня в потолок уставилась, чтоб мысли не шевелились... Еле утра дождалась.

С дядями проще. У них Таню ни разу не оставляли. Дядя Толя — баянист. До того у него баян разговорчивый. На какое-то время Таня даже решила, что непременно баянисткой станет. Вон как пальцы по кнопкам бегают. И лицо у него такое... Светлое, загадочное. Будто увидел что-то хорошее и любит. «Дядь Толя, ты куда смотришь, когда играешь?» — щекой прижалась к плечу. «В небо», — бородой ей нос щекочет. «Так тут потолок один!» — «А я сквозь него гляжу», — глаза лучатся, мехá растянет и опять весь загадочно-отрешенный. «Так не бывает», — вздыхает Таня и слушает дядю Толю, слушает. На репетициях подле него старалась угнездиться. Сзади стул подставит, спиной прислонится, а иначе нельзя — дядя Толя качается как дуб. Ну тот самый, к которому рябина никак не переберется.

Дядя Гена — журналист. Он вообще из Макарова. Фотокором в газете трудится. У него лаборатория настоящая, «Смена» с широкоугольным объективом, ванночки,

проявители, закрепители, все как полагается. Как-то с мамой у него гостили, он Танину руку положил под фотоаппарат и щелкнул. «Будем наблюдать, как быстро ты растешь». Хорошая идея. Уж поскорей бы вырасти, что ли.

Дядя Олег — майор. У него сын. И еще один родился. В гости с коляской непременно приходил. И старшего захватит, чтоб Танюхе не скучно было. У мамы весело, шумно. Стол накроют, а там и тетя Роза из Поронайска подкатит, и тетя Маша из Ногликов, и тетя Нелля... Тетя Нелля из тюрьмы, живет. Дядя Олег сыну своему с Танюхой «березку» командовал делать, спина к спине, рост сравнивал, а после на ноги сажал младшего и пальцем грозил: «Уроните, прибью!». Это в цирк так играли. Семейное представление...

...За две недели командировки Таня к Альбине ужас как привыкла. Приросла. Она английский делать помогает (откуда знает?), музыку проверяет (когда Таня музыку бросила, Альбина не сердилась, наоборот — рукой махнула: а и ладно!), у нее горячая вода дома и титан топить не надо. Купайся сколько хочешь, пока вода не остынет. А остынет — старую спустит, новую нальет. И волосы вымоет небожно, в полотенце закутает и так к себе прижмет, аж дух захватывает. Прижмет и гладит: «Моя ты моя!»

Альбине — двадцать семь, детей нет. Врач сказал — вряд ли будут. Мужа тоже нет. И вряд ли будет. У Альбины характер. Если что не по ней, дверью хлопнет и уйдет. Никому не спускает. Потому что жить с достоинством надо. Или с мамой. Та послушная. Коту минтай варит в кастрюльке. Кот белый, хвост облезлый. Старенький уже. Но тоже с достоинством. Кошек в дом не водит.

Диван у них скрипучий, Таня замучилась. А потом привыкла и уснула. Главное — читать никто не запрещал. Читай сколько хочешь, только утром в школу. Тут уж сама соображай. Таня муми-троллей всех-всех прочитала и Пеппи Длинныйчулок. У нее папа — капитан дальнего плавания. Сама, без никого живет, пиратские монеты в дупле прячет. У нее лошадь. И делать может все, что в голову придет. Потому что скучно жить — скучно. Можно быть и умным, и красивым, но дурака повалить очень хочется. Или клад найти. Необязательно драгоценный. Можно старую карту... Они с Альбиной однажды так бежали — дома вдруг клад оказался! Бежали, бежали, рыла Таня, рыла. Нашла! Шоколадку. А Альбина уснула. Ей не до клада. Замерзла на горке, пока Таня каталась. У печки разморило, на диван в прихожке прилегла и уснула. Таня одеяло приволокла, укрыла. Шоколад в холодильник положила. «Проснется, вместе съедим».

Мама вернулась с подарками: игру электронную притащила, луноход с программой управления. На кнопки нажимаешь: три шага вперед, поворот налево, два шага вперед, пять выстрелов из лазера, одна звуковая атака, стоп. Осталось «старт» нажать, и машинка все послушно выполнит. Пока играла, Альбина исчезла.

— Куда ты ее дела? — прицепилась к маме.

— Кого?

— Альбину!

— Домой пошла.

— Как домой? Мы что — без нее жить будем?

Мама задумалась. Думала-думала:

— Ну, раньше же как-то жили...

— Не хочу «как-то», хочу с Альбиной! — расстроилась Таня. Отшвырнула в сторону «Веселого повара», подбрасывающего на сковородке всякие вкусности. — Я без нее уму!

Договорились, что Тане можно будет каждый день к маме на работу приходиться. И сколько угодно с Альбиной сидеть, только не мешать. Танька вытерла глаза, умылась, сгребла книжку про Пеппи и ушла к себе. Книжка старая, страницы

топорщатся, вылетают. Подклеить надо. Рыжая мордашка подмигивает со стра- ниц — ничего, сейчас что-нибудь придумаем.

Таня страсть как хотела выучиться на машинке печатать. Тетя Валя раздобыла где-то целую пачку гороскопов, и все сотрудники кинулись свою судьбу перепеч- атывать. Во, дела! Не всем, оказывается, по тем гороскопам, жить друг с другом полагается. Особенно по Восточному. Танька схватила пачку, про себя нашла и вдруг завопила:

— Альбина, мы должны жить вместе! Здесь написано, смотри!

— Прямо так и написано?

— Ну почти. Смотри, смотри!

Танька плюхнула перед ней стопку с гороскопами. Альбина кивала головой. Улыбалась.

— Можно я себе перепечатаю? — сделала умоляющие глаза.

— Ладно, давай. Только аккуратно.

Вкрутила желтый лист в машинку, полуслепой оригинал положила сбоку. Поехали: «Раки очень восприимчивы...» Всего четыре опечатки и один раз на каретку вылезла. Может, печатницей сделаться? Машинки стрекочут, телефоны звонят. Сидишь важная, слегка голову наклонив. Люди заходят, извиняются — за беспокойство. А ты их и не видишь. Некогда тебе, одни буквы перед глазами: трак- так-так-так-так-так, щелк, вжи-и-ик!

Нонна Геннадьевна, бухгалтер, сказала, что лучше на счетах учиться считать. Печатница — профессия легкомысленная. Еще б в секретарши придумала! Вот счетами щелкать — это совсем другое. Работа важная.

— Я в цифрах плохо понимаю, — отмахнулась Таня.

— А ты учишь хорошо понимать, пригодится. — Нонна Геннадьевна осторожно закрыла тучную Книгу приходов, поставила на полку и взялась за расходы. Делала она все медленно, плавно. Без резких движений. Все думали — уронить себя боялась. Таня точно знала — артрит у нее и поясница радикулитная. Она у Нонны Геннадьевны целых два дня прожила с котом Кешкой, когда бабушку хоронили. Мама решила, что Тане рано на похороны. «Ну, когда станет пора, и хоронить уже будет некого», — сердилась про себя девочка. Взяла Кешкину скакалку (вместо ошейника — гулять) и пошла надутая в кукольную старушечью квартирку. В спаль- не подушки горкой в наволочках накрахмаленных — белые-белые! И вышивка по углам. Перина высокая, от белья мылом пахнет, а не хлоркой. Таня с мамой на новеньком «Минздраве» спят. В больнице поделились, мама взамен свои простыни подсунула. Больнице все равно, лишь бы штамп стоял. Хватятся — проштампуют. Глаза откроешь, а по наволочке зеленый «Минздрав» скачет.

Кешка во дворе всех котов распугал, а собаку забоялся, на дерево влез. Тянула- тянула за скакалку. Чуть не задушила бедного. Нонна Геннадьевна с балкона парня какого-то позвала, чтоб кота снял.

Медленно-медленно налила на кухне в блюдечко молоко — испуг снять.

— Вообще-то коты рыбу едят, — уточнила Таня.

— Так рыбы нет...

— Купить можно. В магазине продается.

— Ты, что ли, пойдешь?

— Могу и я.

— Оставишь меня со своим мерзким котом?

На счетах Таня быстро научилась костяшками стучать: складывать, вычитать. Но с Нонной Геннадьевной больше не разговаривала. Кешку мерзким котом на- звать! Фу!

Альбина никогда никого мерзким не называла. Даже если сердилась, крепче, чем «гада бесхозная», от нее не дождешься. Да так смешно у нее это выходило. Видно, что сердится, но не злится... Танька совсем соскучилась. Подошла к маме и по-честному спросила: «Ты скоро в командировку уедешь?» — «А что?» — «К Альбине хочу...»

Тут, наоборот, Альбина в командировку собралась. С Сахалинским народным хором. Куда-то на запад. Таньке все равно куда. У нее в глазах слезы собирались и грозили вот-вот вылиться. День солнечный, весенний, на площади демонстрация шумит. Паровоз пышет, люди на перроне толпятся, целуются, прощаются. А у Таньки все внутри обрывается.

— Альбина, возьми меня с собой! — ну вот и оборвалось. — Я себя очень хорошо вести буду. Лучше всех. Или не уезжай вовсе. Или возьми. Ну, пожалуйста! — Таня уткнулась в мягкий живот: — Не бросай меня!

Женщины переглянулись. Мама достала кошелек, вынула пятерку:

— На билет и на белье. Купишь ей трусы с майкой. А то будет сутки в грязном ходить.

— Придумаем что-нибудь. Ну, коза! Хорош реветь, полезай в вагон!

Неужели?! Что, правда? Ой! Вот уже и окно открыли и машут руками застывшей на перроне фигурке:

— До свиданья!

Альбина Таньку придерживает. А та смеется.

И поехали — сквозь туннели, через реки, по горам-лесам: «По До-о-ону гуля-а-а-ет... По До-о-ону гуля-а-а-ет... По До-о-ону гуля-а-а-ет ка-а-зак ма-а-а-ладой». Хор репетирует.

У Альбины и фамилия к песне подходящая — Донская. Может, за нею песенный казак гулял? Обещала Таня вести себя хорошо. Но не утерпела — на третьей песне тоже затянула: «Ой, то не ветер, то не ве-е-е-тер!...» Тоже ж в хоре пела. Хоть и не в русском народном. Альбина обняла Танюшку, так и ехали — до моря-океана. То есть Татарского пролива. Самые счастливые на свете.

А потом мама с Альбиной поругались. Совсем потом. (Танюхина рука на треть вырасти успела.) Альбина собрала на работе вещи и ушла. За ней тетя Валя заявление об уходе подала. Нонна Геннадьевна на пенсию собралась. У нее никак не получалось на калькуляторе дебет с кредитом свести. Мама молодую бухгалтершу нашла. По объявлению. У той глаза горят, длинная, как каланча, юркая. На кнопочки нажимает: пуль-пуль-пуль — готово.

Однажды мама как бы невзначай обронила, что видела Альбину с коляской. Дочку родила. Леной зовут.

— Дочку?.. А я? — разволновалась Танюшка. — Про меня не спрашивала?

— Не до тебя ей.

— Неправда! — Таня рассердилась и побежала проверять. Запыхалась, но в звонок на всякий случай звонить не стала. Поскреблась в дверь. Открыла мама Альбинина:

— Проходи! — прямо сияет вся. А из комнаты малышачье кряхтенье доносится. Значит, правда...

Альбина ловко запеленала Лену колбаской. Красивая какая. Щекастенная. Носик-кнопка. Бровок почти не видно... Это больше не ее дом. Танюха кожей почувствовала. И чем отличается поздний ребенок от обычного, тоже поняла... Альбина взяла на руки проснувшуюся дочку, поцеловала в сморщенный лобик, тихонько прошептав: «Моя ты моя...»

«Горизонт» капризничал, демонстрируя переливающуюся тонкую линию на почерневшем экране. А должны быть «Приключения Карика и Вали». Звук есть, картинки нет. Таня телевизор со всех сторон обстучала, выключила стабилизатор, вынула предохранители, остудила и снова засунула, перенастроила канал, еще постучала... Карик и Валя не показывались.

— Ну вот... — Девочка села посреди комнаты, обхватив колени руками, расстроилась. Книжка десять раз перечитана, так хотелось кино посмотреть. Тем более школу прогуляла. Ради них... Давно надо было мастера вызвать. Танины познания, к сожалению, исчерпаны. Вообще-то, она легко учится. Пришел как-то дяденька с тяжеленным чемоданищем, щелкнул замками, а там добра!.. Машинка с прыгающей стрелочкой — напряжение мерить, проводки такие, проводки сякие, приборчики, платы. Сидела тише воды и подглядывала. Потом сама справлялась. И про мастера забыли.

— Дело в плате, не иначе, — закрепила диагноз Таня и выключила бесполезный ящик. Скорей бы уже седьмой класс! Там физику проходят. Или, может, к мальчишкам на труды сбегать? Научили б схемы паять... Придется ехать в кино. Не пропадать же дню!

Шифоньер, пахнувший нафталином, Таня обследовала на предмет карманной мелочи. Проверила дальние углы, выдвинула ящики с обувью — на всякий случай, обшарила полки с постельным бельем — набралось как раз на детский сеанс. На взрослый не пустят. На взрослый она и не претендует. Кино хотелось сейчас. Хорошо бы с приключениями.

В автобусе протиснулась к кассе. На несколько остановок она кондуктор. Принимает монетки, опускает в щелочку, откручивает билетик — пожалуйста! А вам сколько? Два? Пожалуйста! Касса дразнится, высовывая бумажный язык, Таня его обрывает. Потому что совесть — лучший контролер. И если кто без билета, берегись.

До кинотеатра три остановки, от почтамта чуть-чуть вернуться. Остановки длинные. Автобусов мало. Людей набивается, рука устает билеты откручивать. Но Таня не жалуется. Почему бы ей не стать кондуктором? Сумку на плечо: «Граждане, оплачиваем проезд! Покупаем проездные! На июнь!» Душно, правда, в автобусе, а зимой холодно. Зато сколько пользы.

В кино «Армия Трясогузки»! Тоже до дыр затертая, но так и не смотренная. За билетами очередь, но это ничего. Девочка проскальзывает в стеклянную дверь и спрашивает последнего. О, ужас! В очереди уже стоят две Танины одноклассницы. Вика и Светка. Света, понятное дело, светленькая, голубоглазая, высокая. Ножки-прутики, две косы-баранки. Вика — маленькая, лицо-луковица, волосы стянуты в черную тугую косу, кожа смуглая, глаза восточные — мамина надежда и опора. Это все в классе знают. Потому что после продленки ребята по дворам носятся, а Вика берет портфельчик и топает домой — готовить ужин и мыть полы. Делает она это ежедневно — мама страшно не любит пыль. А пыль — маму.

— Вы чего? С уроков слиняли? — насторожилась Таня.

— Уроки сократили. Завтра же День Победы! — напомнила Вика, типа не замечая Таниного прогула. Той стало неловко перед командиром «звездочки». Но слов в свое оправдание она не нашла.

Светка стояла и улыбалась. Она *тоже* любила кино, но находилась под Викиным шефством — исправляла двойки и поведение. Потому радовалась молча, растягивая улыбку.

В зале девчонки следили за Трясогузкой, Микой и Цыганом, обмирая и ахая. Командир «звездочки» сжимала кулачки и подскакивала, когда завязывались нештучные баталии между красными и белыми: «Так их, так! Давай!» Троица рвалась на помощь, но сбоку и сзади шикали, требуя тишины.

Ветер победы вынес девчонок из зала. Растрепанная, с лихорадочным блеском в глазах, новая армия Трясогузки ринулась врукопашную с кустами бузины, не жалея ни себя, ни противника. Ветки били по лицу, больно кололи руки и ноги, но грозное «Бей! Бей!» с утроенной силой несло по Коммунистическому проспекту. Нежные листья и едва распустившиеся цветки слетали на серый потрескавшийся асфальт.

Отдышавшись после короткой стычки, подружки решили идти домой пешком. Расцарапанные мордашки внимательно высматривали в каждом дворе и закоулке потенциальную контру. Под удар попали дырявое ведро, консервные банки, забытые на веревках половые тряпки, зазевавшаяся ворона, растянувшийся на солнышке кот. Вооружившись палками, партизанки пробирались теньком, затаиваясь в небольших овражках, прячась за заборами барачных, подглядывая за передвижениями вражеских сил из-за насыпей и дверей подъездов. Враг был повсюду. Но, как известно, ему не сдается наш гордый «Варяг».

Возле Таниного дома Вика, по негласной договоренности ставшая Трясогузкой, дала ей серьезное поручение — составить карту завтрашнего поля боя. Что, Мика-Танька до сих пор не знает, что завтра «Зарница»? Ну и вот. «Драться будем насмерть!» — предупредила командир.

— Ты же понимаешь, какое серьезное в стране политическое положение? — Вика буравила взглядом Мику-Таньку.

Таня понимала и готова была на все.

— Жаль, поезд под откос пустить не удастся. — Света, ставшая без обсуждения Цыганом, вызвалась отыскать орудия боя (хотя бы рогатки на худой конец), притащить тетрадки для протоколов. Девичий ум бешено работал и уже рисовал схемы будущих допросов, пыток белой сволочи, которой ужас как хочется обратно все завоевать и победить мировую революцию. Кроме того, из политинформации, еженедельно проводящейся в классе, армия знала, что всем грозит перестройка, стало быть, рано складывать руки.

Утром, еще не остыв от переживаний, девчонки вместе с классом отправились на парад. А после началась «Зарница». Решили работать под прикрытием. Три шуленьких санитарки легко проберутся в стан врага, а там уже захватят языка, притащат, как миленького, и все он им расскажет и про штаб, и про флаг. План единогласно был одобрен. Противника в этот раз изображал третий «В», а там Таня кое-кого знала, могла запросто втереться в доверие. В конце концов чем отличаются санитарки-«бэшки» от «вэшек»?

Был дан сигнал к началу игры. Ракета медленно опускалась, вырисовывая белую дугу, а три тени уже пробирались по склону горы, не жалея колен и белых фартуков.

— Тс-с! — приставила палец к губам Вика. — Вон, видите? За рекой, там, в кустах?

Девчонки устали, щура глаза на солнце, туда, куда указывал Викин палец. Действительно, в кустах что-то шевелилось. Или кто-то... Эх, бинокль надо было брать. Но санитаркам не полагалось. Они и так нарушили все правила. Нужно было заниматься ранеными, а они тут ведут наблюдение. Ничего, язык все искупит.

Но как перебраться через реку? В обход? Себя выдашь. Лежать и ждать — тоже никуда не годится. Главное — успеть закрасить. И тогда он раненый. А с раненым уже можно делать что хочешь — брать в плен, например.

И тут случилось невероятное: из кустов — сам! — вышел, потягиваясь, взъерошенный Витька Герашенко. Без всяких знаков отличия. Разморенный, уставший,

он отлеживался в кустах. Уйти с «Зарницы» нельзя. А от физкультуры у него освобождение. Зрение. В школе Витькины очки были палочкой-выручалочкой — ими можно добыть огонь, а еще — деньги. Малолетки, не изучавшие физику, не верили в оптическое чудо и шли на спор, что бумага не загорится. Каково же было их удивление, когда через несколько секунд тетрадный листок начинал дымиться под Витькиной линзой. В общем, Витю не обижали. Пуще того — берегли. Он был самым счастливым очкариком в школе.

Но тут его планида заевалась. Не доглядела за витийствующей Викой, у которой в голове перемешались все — белые, красные, русские, немцы. Долг и честь подсказывали единственно правильное решение — метить очкарика и добывать флаг.

— Получай! — Вика-Трясогузка выпрыгнула на берег и, размахнувшись, залепила шарик с краской в Витьку. Тот как раз наклонился умыться. Вздвогнув, он оступился и соскользнул в воду. Очки упали и запрыгали по камушкам, подхваченные игривой речушкой.

— Вы чего?! — шарил руками вокруг обезоруженный Витька. — Чего ж вы так орете? И где мои очки? — он не заметил, как по плечу его растеклось голубое пятно краски, как Вика кинулась в воду, почувствовал только, как схватила его за рукав и потащила на берег.

— Идем! Ты нам все расскажешь! — свирепела она.

— Вик, да я тебе все, что хочешь, расскажу, — улыбнулся Витя, признав наконец в ней свою. — Только помогите очки найти.

Таня со Светой копошились в камнях, пытаются догнать выскальзывающие стеклышки.

— Вик, он же ничего не видит! Подожди!

Но Трясогузка была неумолима.

— Я тебя выследила, я поймала, я и допрошу. Говори, где ваши флаг спрятали? — подступила к нему с воображаемой палкой-винтовкой. — Говори, а не то...

— А не то что? Расстреляешь? — усмехнулся рассердившийся Витька, разглядывая распыляющуюся санитарку. — Не знаю я ничего про ваш дурацкий флаг. Дурацкий флаг, дурацкие игры! — закричал он.

— Говори, где флаг! — Вика размахнулась и огрела Витю винтовкой. Взвыв от боли, он закрутился на месте и стал приседать, схватившись за плечо.

— Чокнутая! Я не знаю. Я, чтоб прогула не было, пришел! — на глазах его проступили слезы. Вику это еще пуще распалило, и она со всей силы принялась лупить Витю, выкрикивая, как заведенная: «Где флаг? Говори!»

Девчонки выскочили из воды, схватили Вику и бросили на траву. Светка навалилась на нее, крепко держа за руки. Таня забросила палку подальше в кусты.

— Ты что?! Это же Витька! Витька Геращенко! Он никакой не враг! Он свой! — кричала перепуганная Таня. Никакая не Мика. Просто Таня из третьего «Б».

— Он — враг! — огрызалась Вика. — Враг, понимаешь?!

Весть о том, что Витька Геращенко был бит на «Зарнице» тремя клоунессами из параллельного класса, быстро достигла ушей его заступников. И напрасно Светка пыталась свалить все на маленькую Вику. Ее поймали в туалете на первом этаже и обрезали косы. Света рыдала, но ей пригрозили — только пикни... И она смолкла. На следующий день пришла с модной стрижкой-каре. Дальше исправляться.

Вику не тронули — национальность. Корейцев в школе обходили. Свяжешься с ними, такой скандал устроят. Все-таки бывшие угнетенные.

Перепало и Тане. Как очкарику за очкарика. Маленький, щупленький паренек из пятого класса, едва достававший ей до плеча, крутился вокруг да около

на большой перемене. Стоило взрослым скрыться из виду, он сгруппировался и по-боксерски выбросил руку аккурат Тане в глаз. Стекла мелкой крошкой посыпались на пол.

— Это тебе за Витька! — одернул куртку, поправил галстук и пошел, пару раз обернувшись.

Из носа пошла кровь. Выхватив платок из кармана, Таня побежала в туалет. Так и простояла в углу всю перемену.

На трудах вышивали. Таня, пряча лицо, механически протыкала иголкой белое батистовое полотно, протягивая нить и думая о странном устройстве мира. Почему есть свои и чужие, красные и белые? Ну, хорошо, фашист — враг, а Витька? Витька Герашенко, какой он враг? Что случилось с Викой? «Ничего не понимаю...» — вздохнула Таня, украдкой потерев распухший нос.

Кто-то все же донес, и армия Трясогузки вместе с бандой заступников была собрана в кабинете директора и допрошена. Понурые, раздавленные, противники стояли, теребя фартуки и куртки, и смотрели в пол. Рады бы помириться, но как?

— Знаете что, бузотеры? — развеселился вдруг молодой, но уже лысеющий директор. — Не ходите-ка вы больше в кино. Пока. Вот вам книжка. Изучить и претворить в жизнь. Сообща!

— Аркадий Гайдар... Тимур и его команда, — прочитала Вика.

ВЖЖЖИК!

— Я люблю тебя! — выпалила Таня в ухо Славику. — Только тебя одного! Я уверена, я знаю! Я скучала — значит, люблю. Ведь правда?

Ошарашенный Славик робко улыбнулся и промолчал. Мальчик-одуванчик — дразнили его в детском саду. Вон как кудряшки завиваются, облако золотое, а не голова! Дразнят ли его, как прежде, Таня не знала. Они учились в разных школах. Мамки их продолжали дружить, потому встречались они со Славиком регулярно — по субботам. Иногда — в будние дни.

Славику купили настоящий велосипед — «Десну», а не «Школьник» какой-нибудь, на котором Жорка из соседнего двора катал девчонок по очереди. Сам эту очередь строил, сам решал, сколько кругов достанется каждой, и с вызовом поглядывал на Славика, стоящего в сторонке. Его катать не будут. Девчонка он, что ли, на раме кататься? Ему просто дадут велосипед, чтоб уже проехал круг-другой — по дружбе. Что может быть крепче детсадовской дружбы? Но вызов в Жоркином взгляде чувствовался, и пешеходный Славик уныло стоял, ковыряя изгородь палисадника. Потом уныло сидел рядом с Жориной бабушкой на лавочке. Пока сосед Жоры — дядя Валера — не выкатывал во двор своего крепкого «Туриста»! Вот тут начиналась настоящая история — девчонки облепляли дядю Валеру и уже без всякой очереди норовили вспорхнуть на раму. «Дядь Валер, покатай!» — щебетали банты и челки. Дядя Валера выхватывал из девчачьей свалки двоих-троих, сажал перед собой и с серебристым шелестом разгонял красавца «Туриста»!.. Девчонки визжали и толпой уносились за ним.

— Хочешь покататься? — Жорик подкатил «Школьника» к приунывшему Славику. Тот без лишних слов прыгнул в седло и помчался за дядей Валерой.

— Догоню! — И действительно догонял вальняжного «Туриста». И даже обгонял, вызывая бурный восторг у сопливых, в общем-то еще, девчонок.

И вот тетя Лида, Славикина мама, наконец-то сообразила купить ему «Десну» — настоящий складной велосипед!

— Пожалуйста, дай покататься! — волновалась Таня. — Ну что тебе стоит!

— Сломаешь! — отметал все ее просьбы Славик. В соседний двор они больше не ходили. Дружба с Жориком растворилась в горячем летнем воздухе. Хоть он и учился с Таней в одной школе, но в разных классах. Виделись редко.

Рамы у «Десны» не было, и Таня бежала рядышком до Славикова дома. Он старался ехать помедленней, но в конце концов разогнался и мчался во весь опор. Вперед! По проспекту Мира, по свеженькому его асфальту, мимо новеньких девятиэтажек — домоту, где ждал его огненно-рыжий щенок Альберт. Дом хоть и пятиэтажный, но тоже новый. Сто тридцать восьмой серии. Две комнаты, кухня, ванна, туалет! Просторно и светло. Третий этаж. Велик невысоко таскать. Недавно из малосемейки переехали. Мама в больнице главной сестрой работала. За бабушкой Таниной доглядывала. Много за кем. Ее ценили.

Прохожие не замечали плавного скольженья Славика. Таня замирала в восхищении, а после бежала изо всех сил за ровной ниточкой следов проскочившей по луже «Десны».

К осени Танина мама поднатужилась и купила «Орленка». И Славиков взгляд снова потускнел.

— Это мужской велосипед, давай меняться! — настаивал Славик.

— Красный — женский цвет, — уклонялась от обмена Таня. — Красная машина, красное платье. Это же вы, мужчины, придумали. Так что красный велосипед — для девочек.

— Он для тебя большой. Смотри, какие колеса высокие, упадешь, — переживал Славик.

— Не упаду! — обрुбила Татьяна. — Покататься дам, меняться не буду.

На поверку «Десна» оказалась жесткой. Но наблюдать за счастливым Славиком было приятно. Его льняные колечки завивались на ветру, и солнце просвечивало сквозь них. Прямой нос, подбородок с ямочкой, небесного цвета глаза... Какого сегодня небо цвета? Как Славиковы глаза...

— Я люблю тебя, понимаешь, — Таня бросала маленький резиновый мяч на крышу дома и ждала, когда он скатится. — Тебя так долго не было, я испугалась, что с тобой что-то случилось.

«Когда девочка забывает, что в целом городе еще видимо-невидимо всяких мальчиков, это ли не любовь? — Таня допрашивала себя с пристрастием три дня и три ночи с последнего визита Славика. — Если девочка безжалостно рвет джинсы и сносит колени, носясь по стройкам вместе с мальчиком, это ли не любовь? Да что она такое, эта любовь, в конце концов?!»

Славик улыбался и молчал.

Таня очередной раз поймала скатившийся с крыши мячик и вдруг резко повернулась к Славiku:

— Если ты сейчас же не скажешь хоть слово, я тебя ударю! Получишь мячом в свою дебильную рожу! — Таня замахнулась, но мяч застыл в занесенной руке.

Славик инстинктивно отвернулся и — хо-хо-тал!

— Аааа! — закричала Таня и вспрыгнула ему на спину. «Убить гада, поколотить не-мед-лен-но!» — шумело в голове. Славик закружился волчком, но Таня вцепилась крепко, уткнувшись носом в тощую мальчишескую шею. В глазах защипало.

Славик наконец сбросил ее со спины.

— Айда на речку велики мыть! — в глазах его проплывали золотистые облака и вспыхивало закатное солнце. Сентябрьский мягкий свет ложился на тронутые рыжиной сопки. Из огорода доносился запах высохшей травы и прелой картошки. А Славик пах медом.

Таня послушно взяла под уздцы своего «Орленка», перемазанного глиной. Дождь шел неделю, и сегодня они выбрались наконец покататься. За

«Сахалинуглем» поскрипывал долгострой (на долгостроях столько полезного!), дороги к нему раскисли основательно. Но Славик сказал, что если как следует разогнаться, можно проскочить самый жирный участок на раз. Вот так — вжжжик! И Славик пролетает через вязкое тесто дороги.

Вжж... И Таня застревает аккуратно посередине. Вернее — застревает велосипед. Встал и стоит. Таня оглядывается, поджимая ноги. Нет, падать велосипед не собирался, но и ехать, похоже, тоже. Спрыгнуть в жижу? Беее! Она начнет чавкать и чпокать. И как вытаскивать велик?

Славик стоит. Напрягся от размышлений. Таня ждет, Славик думает. Таня, исчерпав запасы терпения, спрыгивает, хватая «Орленка» за рога и вытаскивает с проклятьями на просохший грунт.

— Я домой, — информирует Славика, соскребая глину с колес. Ищет объездной путь.

«И все-таки я его люблю... — крутит педали, прислушиваясь к шелесту за спиной. — Ну ведь люблю же!..»

...Отмывались долго. Вода в речке прохладная, мутная от дождей. Глаза у Славика мутные от напозающих сумерек.

— Я все! — шлепнула тряпкой по багажнику Таня. Повесила ведро на руль и взобралась наверх. — Эй, там, внизу, догоняй!

Вскочила на «Орленка» и вылетела на дорогу.

Завизжавший тормозами «Икарус» обдал Таню клубами пыли и жара — пых!.. Велик навалился и не давал встать. Ну же! Ну, давай же! Вставай! «Какая я тяжеля!.. Ааа!..» — перекатывалось в голове.

«Икарус» замер. Пассажиры по-рыбьи разевали рты, но Таня их не слышала. Наконец отлепилась от асфальта, проскользнула во двор дома, спрятала велик в сарае.

Побелевший Славик тихонько прокрался вслед за Таней в кусты малины.

— Живая? — стал ощупывать ее плечи, руки.

— Я сама. Понимаешь? Сама упала. Он такой большой. И желтый! И горячий, понимаешь? Очень горячий, Слава! — бессвязно лепетала Таня, сдуваясь, как шарик.

— Ну, тебе от матери влетит!

— Не выдавай меня, пожалуйста! Я не нарочно!

— Еще милицию вызовут...

— Не вызовут. Кроме тебя, никто не видел. Не выдавай... — Таня тщетно пыталась выбраться из-под накатившей волны ужаса.

— Что там случилось? — мамки, одна за другой, выкатились с веранды.

— Пожалуйста... Пожалуйста... — Таня вцепилась в Славкину руку.

— Идем! — скомандовал он.

— Там кошка выбежала, водитель по тормозам жажнул. Все в шоке! — отработовал Славик, отвлекая обеих мамок от дороги.

Автобус рыкнул заработавшим движком и покатил дальше.

«Наверное, все же любит...» — подумалось Тане.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Мой дом — моя крепость. Кто спорит? Танина крепость в смысле оборонения совсем шутейная: снаружи закрывается обычным ключом, изнутри — крючок. Его набрасывали, чтоб дверь придерживать, а то она пела и плясала, как девица на выданье. Иногда даже хлопала. Летом-то понятно — дверь нараспашку. Вере-

вочкой ее с другой стороны прихватывали, чтоб окно не вышибла. К притолоке прилаживали тюль — от мух и комаров, и гуляй себе туда-сюда. А на веранде — тазы с вареньем. Клубничным и малиновым. Их подогревать несколько раз надо, мешать густое, сладкое варево и непременно давать остыть. Когда варенье кончится, начнутся огурцы с помидорами. Эти в банки распихать, надергать раздувшийся от важности чеснок, срезать зонтики укропа, набатсать из магазина перец-горошек (и не рассыпать), главное — аспирин не забыть бросить и кипятком залить. И крышки — плотно-плотно. Чобы банки не взрывались. Взорвется — оно и неплохо. Малосольный огурчик — это ж мечта. Но банки — на зиму! И нечего тут.

Дойдет очередь и до хреновины. Так-себе-помидоры смешать с хреном и чесноком. Перец! Ничего не аджика. Бабушка говорила — хреновина. Потому что накопать корешки у солдатского забора любой дурак сможет, а вот почистить да через мясорубку пропустить — это да! Потому дверь никогда и не закрывалась. Туда-сюда запахи бегают. Не накрываешься! Если ночи теплые стоят, про дверь и вовсе забывали. Кому нужны три советских гражданки, что у них брать? Банки с хреновиной? Сберкнижку? Так без паспорта недействительна.

Дядя Леша такое легкомыслие не одобрял. И смотрел на него (то есть на Таню с домочадцами) с укоризной. Он свои «Жигули» в гараже держит. Под замком. Да и мало ли что! Лихой человек в дом заберется, поубивает всех. Тем более обидно, что брать нечего. Вот она, хреновина, на деле и выйдет. Самое настоящее уголовное дело! Нельзя людей до уголовного дела доводить. Потому дядя Леша запирается как следует. На двери у него засов. Попробуй, сдвинь! Вторая дверь — та, что из сеней в дом вела, — на ключ. Форточки только на ночь распахивает, и то не везде, но прежде собак с цепи спустит — кавказца Блэка и овчарку... Как звали овчарку, Таня не знала. Потому что та дурная совсем. Блэк людей запоминал и так просто не облаивал. Сначала обнюхает. Если запах незнакомый, сядет и смотрит в глаза — внушение делает, мол, не ходи сюда, милый человек, видишь, специально для тебя написали: «Осторожно, злая собака!». Попробуй сдвинься, когда на тебя так мохнато смотрят. Блэк, он достоинство в себе берег. И за собаку его никто не считал. За второго хозяина, скорее. А может, и за первого. Кто как.

Чобы к соседям в крепость проникнуть, нужно вечером у калитки постоять, овчар залает, дядя Леша и выйдет.

— Чего?

— Мать бензину просит, дядь Леш! — тянет Таня литровую банку поверх калитки. — Печка совсем топиться не хочет. А у нас варенье. И хреновина. Воды согреть.

— Засорилась, — принимает глубокомысленно посудину дядя Леша и направляется во двор. — Чистить надо.

— Надо, дядь Леш! — поддакивает из-за калитки Танька, на цыпочки встала, чтоб видней.

Дядя Леша спохватывается и отворяет. Калитка на щеколду закрыта, чтоб собаки не выскочили. Овчара за ошейник придерживает, а Блэк Таню выучил и не трогает.

— Ну, беги к Галке на кухню. Пирожки стряпает. Я сейчас.

Таня проскакивает как мышка. Ну как овчар нагонит! А пирожками из форточки пахнет — на всю улицу слышно.

Соседей можно беспокоить только по делу. Это любой воспитанный человек знает. Таня знает и сильно не задерживается. Поблагодарит за пирожок, про здоровье тете Гале доложит и на крыльцо скорей, чтоб дядя Леша с бензином в дом не ходил. Нечего воздух отравлять!

— Скажи матери, пусть сажу выберет. Набилось сажи, вот печка и не горит. Этак весь бензин переведете. Эх вы, бездоглядные!

Чтобы сажу выбрать, нужно шлакоблок в двух местах в Таниной комнате выковырять. А потом шумовкой черный липкий порошок выгрести. Шлакоблоки на место, замазать поверх цементом, высохнет — побелить. Только маме все некогда.

Таня быстренько благодарит дядю Лешу и бежит домой.

Через пару дней сердце тети Гали не выдержало, пришла с проверкой. Постучала сморщенным кулачком в косяк:

— Хозяйки!

На ее дребезжащий голос выкатились два пугала огородных: глаза горят, морды черные. Мама наконец устроила печке выволочку — два ведра сажи долой! С третьим заканчивали.

— У, чудищи! — всплеснула руками соседка, засмеялась и закивала головой: — Старик баню натопил, айда к нам купаться!

Что такое баня, Таня худо-бедно знала. Маленькой ее водили. Воду по всему городу отключили, и люди набились как селедки во все общественные бани. Таня стеснительная. От наготы своей сияющей не знала, куда и спрятаться. Ну и что, что никто вниманье не обращает. Ну и что, что одни тетеньки... Груды женских обнаженных тел ее чуть до обморока не довели: как это все... некрасиво. В парную завели. Ой-е-ой! Сердце заскакало воробушком, того и гляди выпрыгнет. Тетки вениками машут, сами себя охаживают, пар горячий за нос щиплет, дышать не дает. А стены-то, стены! Мокрые, сопливые. Совсем Тане худо сделалось. Долго с ней не церемонились — посадили в таз, намылили, из ковша плеснули, в полотенце завернули. Сиди, купчиха! Таня и сидела в раздевалке, пока взрослые делами занимались. Дед тогда грозил свою баню поставить, но не успел...

...Набрали полотенца махровые, одежду на смену, халаты. Мама чужим вещам не доверяла. Приучала Таню к своим. «На чужое не зарься и свое не давай. Мало ли, у кого какие вши да блохи. Из чужих кружек не пей. Чужой ложкой не ешь...» Но в гостях про все это забывалось: и ели, и пили, еще и хлебушком чашку протирали. А когда Таню у кого-нибудь внезапно оставляли, то и спала она в чужих майках по колено, и мылась в чужих ваннах, с чужими резиновыми уточками. Потому что хозяев обижать нельзя. Раз тебя в дом взяли, значит, не такой уж ты чужой человек. Да и хлеб разве чужим бывает? Для всех растет, всем в руки идет. И в конце концов: Ленин сказал — делиться! Маме на всякий случай об этом не напоминали. Неизвестно, как еще она на это посмотрит.

Баня у соседей маленькая, тесная. С виду сарайчик, а дым из трубы валит, будто паровоз в коммуно мчится.

— Холодать станет, поленьев подбрось! — инструктирует маму дядя Леша. — Огонь, смотри, не упусти. Камни сильно не заливай, угорите.

Дядя Леша беспокоится. Этой бедовой что доверь, а — машет рукой — чего там говорить. Как еще живы...

Но все обошлось.

— Девоньки, берегись, жару подбавлю! — тетя Галя в предбаннике хлопотала: заслонкой гремит, кочергой полешки ворочает. — Старый экономику развел, вы его не слушайте. Купайтесь сколько надо. Я шланг в кадку бросила. Воды не жалко. Купайтесь! Квас на столе.

Что тут началось! Таня первая выскочила. Схватила вспотевшую банку с прохладным квасом и ну его за милую душу. Пунцовая как помидор. Напилась, утерлась, глаза на лоб лезут. Ну и баня!

На крыльчке дядя Леша поджидал. Вечерело, собак спустил. Вот и поджидал.

— Ну? Весело в моей баньке? — подхватился, кепку на лысину натянул. Глаза улыбаются. Весь блестит, будто сам выкупался.

— Весело, дядь Леш! — кидается к нему Таня. — Смотри, как у меня кожа скрипит.

И давай пальцем по руке тереть для убедительности.

— Беги в дом, нечего на улице мокрой...

В честь помывки устроили чаепитие, самовар поставили. После бани тяжелого нельзя. А чаю можно. Морошку, бруснику, конфеток.

Дядя Леша на соседок любовался. Нравилось ему, когда люди при порядке. Подопрет ладонью щеку и сидит, любитесь. Залюбуется, задумается. Побезжит по щеке робкая мужская слеза. Это он что-то свое припомнил. Война его сиротой сделала. Без родителей любой сирота. Когда б ни привелось.

— А давайте-ка я вас до дому доведу! — обрадовался собственной находчивости дядя Леша. Хлопнул по коленкам, крикнул, вставая. — Ну-ка, Галка, собирайся, разомнем кости!

— Дядь Леш, да тут идти два дома! — поперхнулась мама чаем, крепче запахивая халат.

— Простудитесь еще.

Упрямства не любил. И когда поперек — тоже не одобрял. Смурым стал было, да тут же и распогодился.

— Допивай спокойно. Я пока машину выгоню, Галка начепурится. Не торопись.

Тетья Галя из-за стола встала, заволновалась, посуду в раковину побросала и заторопилась в спальню из шифоньера платье доставать. Шелковое, легкое — по черному небу ирисы разноцветные да лилии летят. Нарядилась, волосы руками взбила.

— Теть Галь, а ты какая прежде была? — Таня у косяка застыла, не доводилось тетю Галю в выходном платье видеть.

— Какая была? — замурылкала та, выписывая помадой губы. — А такая и была: чуть шатенка, чуть блондинка. Седины-то, вишь, немного набилось. Припорошило чуть. Да разве я старуха? — резко обернулась она к Тане. Маленькое испуганное личико... будто ребенок смотрит. Таня отпрянула. Что тут скажешь? Уж очень... взрослая... что ли...

Тетья Галя вздохнула, опять состарилась и отвернулась к зеркалу.

— Ничего, мы вот сейчас причешемся, румянцу добавим. И не будет деду стыдно бабку катать.

Дядя Леша в то время уже и ворота распахнул, завел свой молочного цвета «Жигуль». Ликовал. Преобразился от радости, что доброе дело двум бедованкам делает. Или просто не выезжал давно. Бросил свою крепость охранять. Посадил женский пол в порядке возрастания: жену под бок, малых назад. Ремнем пристегнулся и — «Трогаем, бабоньки!» — надавил на газ.

— Из-за о-о-острова на стре-е-ежень, на просто-о-ор речной волны!.. — взревел дядя Леша, а вместе с ним и машина взревела, взвилась из-под пригорка на дорогу, плавно понесла расписные Стеньки Разина челны.

Эх, жалко, что ехать недалеко. И тетя Галя такая красивая. И дядя Леша поет. На куплет дороги-то и хватило. На второй уж обратно «Жигуль» под гору скатывался.

Таня мигом вскарабкалась на крышу. Смотреть, как машину в гараж загоняют. Как дядя Леша треплет мохнатого Блэка и грозит овчару: я те покажу! Как наливает тетя Галя в чашку смородиновый морс. Как уселись они потом с дядей Лешей на скамеечку песню допевать: «Грянем пе-е-есню удалу-у-ую на поми-и-н ее души...» Тетья Галя — вся в цветах на шелковом платье, ветерок в волосах путается. Дядя Леша — в небесного цвета рубашке, со взмокшей кепкой на макушке. Поет, как гармошка раздувается. С силой поет. Хорошо им. Будто в баньке помылись. Ну прям чистый четверг! Даром что пятница.

ЧУДО

Ничего чудесного в том, что у бабушек бывают внуки. Но то, что тетя Галя, оказывается, бабушка, а внучка ее — готовая тринадцатилетняя красавица, с конопущками на молочной коже, — это чудо! Глазки-искорки, медные кудряшки коротко острижены, сбились в копну и, в отличие от Таниных, очень даже слушаются.

— Я их лаком поливаю, — поделилась секретом Тома после короткого представления.

Лаком? Волосы? Танины познания в области женской красоты ограничивались умыванием и расчесыванием. Добраться до маминой помады и щеточки для ресниц — это пожалуйста. Но чаще — лень: это ж надо поплевать на брусочек туши, растереть черноту щеточкой, а потом изо всех сил пучить глаз, стараясь попасть на ресницы, а не куда попало. И чтоб без комочков, а то уродство одно получится. С помадой вообще умора — надо видеть маму перед зеркалом! Таня из своей комнаты подглядывает за ее гримасками. Нарисованная мама на сову похожа. С нею только летать, а не прогуливаться. А тут еще какой-то лак...

Очень захотелось потрогать. Но разве можно трогать чужого человека, особенно когда он в лаке?

— Можно, трогай. — Тома с удовольствием подставила голову. Пружинки, а не волосы.

— Я химию сделала, ба! — торжественно доложила сияющей тете Гале.

Таня перехватила ее взгляд. Поймала, как бабочку сачком... Мягкий свет, устремленный через весь зал на нее, Томку. А если встать между ними, подумала Таня, может, ей тоже сиянья достанется? И она встала. Между бабушкой и внучкой. Но луч легко обогнул ее сбоку и снова устремился к Томке. Таня попробовала еще раз. Нет, не получается. Свет упрыгивает как солнечный зайчик. Только в детстве можно ловить светлое пятнышко голыми руками и верить, что поймается. Но Таня давно не ребенок, потому мужественно отошла в сторону. Со стороны даже интересней. Вон он какой, свет!

Дядя Женья, Томкин папа, опять ушел от жены и на всякий случай привел с собой дочь. Да и правильно привел — у красавицы день рождения! Накрыли стол, наварили, настругали, наставили. И даже раздобыли краба в колечках. Тома крабов очень любит. Волосатиков. Камчатские — огромные, с ними мороки много. Она победно разделявала его на глазах у довольной родни.

Таня в тот день случайно у соседней оказалась. На нее не рассчитывали. Она бежала с музыки домой, вдруг ливень припустил. Такой, что никаким зонтиком не спасешься. А в пакете ноты, тетрадки. В тетрадке диктант с пятеркой — жалко, если промокнет! Это вам не волосатика добывать. Пятерку по сольфеджио, да еще за диктант, у Ирины Григорьевны только большим трудом добыть можно. Или хорошим слухом. Слух, судя по всему, у Тани улучшался. Еще б не улучшиться: на уроке инструменты раздают — ложки, трещотки, маракасы, Тане достался треугольник — доли в оркестре отсчитывать и тремоло делать. И так она полюбила этот треугольник, что доли сами собой отлетали. Очень внимательно за ними Таня следила. Железяка вроде, а стукнешь палочкой, нежным звоном откликается, малиновым. Потом-то она узнала, что малиновый звон от колоколов бывает, но треугольник-то чем не колокольчик? Звенит. Тонко и протяжно. Малиново.

Пожалела пятерку, к соседям напросилась. Переждать. А тут — Томка с днем рождения и лаком. Приятно познакомиться. Достали Тане тарелку, наметали гречневой каши с тушенкой, огурцов пупырчатых (в магазине таких не бывает. В магазине гладкие, длинные и сопливые, а у тети Гали — коротенькие и пупырчатые — сладкие-ие! И хрустят). Налили кваску в хрустальный бокал — за Томино здоровье.

«Желаю тебе счастья, Тома, и творческих успехов! — от всей души поздравила ее Таня. — Извини, что без подарка. Дождь кончится, сбегаю». Она уже решила, что подарит этой сказочной Тамаре. Калькулятор! Редкость дорогушая! Ей «Casio» очередной мамин майор подарил. Тома в торговый техникум собралась, ей надо.

Тома обрадовалась, что ей настоящий калькулятор подарят, и отломил соседке крабью клешню. На всякий случай. Чтоб не передумала. Таня поблагодарила и аккуратно положила на краешек тарелки. Что там, в клешне, вкусного?

— Давайте гадать! — озарило Томку. — Ба, тащи карты!

Гости вышли из-за стола и расселись на ковре.

— На желание! Чур, я первая! — сияла Тамара, рассыпая рыжие искры.

Тетя Галя принесла замусоленную колоду, привалилась к дивану. Тома лихо раскладывала представительных дам и легкомысленных валетов, внимательно изучала «казенные дома» и быстренько расправлялась со «слезами» и «дальними дорогами». Желания ее грозили сбыться. Дядь Женино желание немножко заупрямилось, но тоже сложилось. Теть Галино обещало сбыться в ближайшем будущем. Дядя Леша долго думал, чего бы такого загадать. Все вроде есть...

— Дед, давай быстрее! Задерживаешь! — занервничала Тома.

— А ну давай тогда вот это! — он старательно закрепил про себя желание, чтобы не забыть к концу, что загадывал. И тоже сбылось.

Танина очередь. Уж у нее-то желаний — пропасть. Но надо не по мелочам, а с главного. Она крепко зажмурилась, чтобы никто не подсматривал, и тихонько прошептала про себя: «Хочу нового папу!» Все! Не вышло... «Ладно, — согласилась девочка, — в следующий раз что попроще загадаю».

Ливень приустал. Или весь вылился. Кто его знает. Солнечный луч робко тронул занавески. Да запутался, так и остался снаружи стоять.

— Надо дом сушить, а то зябко. — Тетя Галя поднялась, закуталась в кофту и пошла двери распахивать. Дядя Леша за ней — дров подтащить, то, се. Дядя Женя молча достал из кармана пачку папирос и чуть было дома не закурил, тетя Галя вовремя ему подзатыльник дала — на улицу вышел.

Тома учила Таню пасьянс складывать. Не то чтобы Таня ничего про карты не знала. В «дурака» знала и даже в подкидного, чуть-чуть в открытого могла и в девятого. Но пасьянс... Неспешно выгадывать будущее из молчаливых сочетаний. Так, на всякий случай. Пасьянс — не гаданье. Да карты-то одни.

Надоело гадать, пошли у печки греться. Тома праздничную блузку сняла, халатик в мелкий-мелкий цветочек наинула. Ой, и ничего она еще не взрослая. Ключицы вон как по-девчоночьи выпирают. Тощая как селедка. С плечиками да с воланами кто не повзрослеет? Таня сама знала, что для своего возраста чересчур... большая. Да и мама всегда говорила: «Крупная девка. Кость широкая». Ей до Томкиной прозрачности, как до своих ушей... И она любовалась и любовалась Томой. Ее рыжиной и стройностью. Заводная, и личико, как у лисички. Только сейчас и увидела, как на тетю Галю похожа. Теперь понятно, какая тетя Галя была. А еще понятно, какой Томка будет. Неужели будет?

— Ой, мух-то набилось! — схватила тетя Галя передник и давай по стенам хлопать. Дядя Леша не одобрил — смахнешь чего ненароком!

— Оставь! Сами в форточки улетят, оккупанты!

— Да у них же микробы! — не унималась тетя Галя.

А у Томки уже глаза загорелись. Таню за руку тянет.

— Айда оккупантов ловить!

Выскочили в баню. За снаряжением. Заодно плитку включить. Для допроса. В бане плитка. Одноконфорочная. Ведро, если что, подогреть, или на скорую руку сварганить чего. Дядя Женя любит в бане жить. Он замкнутый. Слова не допро-

сишься. А когда от жены уходит, так и совсем как медведь. Заберется в баню и неделями молчит. Это он для Томки исключение сделал — дочка все-таки... В дне рождение вся. Выполз и даже улыбнулся пару раз.

Окупантов полагалось ловить гранеными стаканами. Чтобы до допроса не подошли. Вооружившись, девчонки метнулись обратно в дом. Томка летала по всем комнатам, крича: «Есть! Есть! Поймала!», выживала пленных из стакана и отправляла в бутылку, закручивающуюся крышкой. Таня ограничилась одной пленницей. Но какой! Синяя, толстая, как бомбовоз, с длинными лапами. Бутылки у нее не было. Ладонью стакан прикрыла и ждала на крыльце, пока Томка всех лазутчиков переловит. Наконец та выбежала — довольная, раскрасневшаяся.

— Допрос!

Таня согласно кивнула, и они отправились в баню вести разбирательство. Мух пытали, вынимая из них всю душу. Особо крепких раскалывали, поджаривая на разогретой конфорке.

— Будешь правду говорить? Будешь? — напускалась на них Томка, тыкая беспомощной мордочкой то в лужицу на клеенке, то в плитку. — Говори, фашист, где Гитлер прячется?

В самый пик допроса над баней ударил гром. Девчонки ойкнули, переглянулись, побросали военнопленных и ринулись на улицу.

— Гроза, бабуня, гроза! — ликовала Тамара.

Таня сильно удивилась — над головой по-прежнему сияло солнце, облака стянуло над маковкой горы и больше нигде ни перышка. Что за гроза такая? Уж гроз она повидала. Когда ездила с мамой в Алма-Ату.

— Это где? — заинтересовалась Тома.

— Далеко! Двумя самолетами добираться.

— А не врешь?

— Чего врать? Возьми карту, посмотри! — Таня надулась и решила про Алма-Ату ничего не рассказывать.

Она бы и вовсе домой пошла, уже и попрощаться собралась, но снова ударил гром, в воздухе что-то затрещало, будто провода на провода наскочили, и прямо над солдатской казармой закрутился золотистый шар.

— Ух ты! — девчонки остолбенели.

Шар медленно тронулся с места и поплыл в сторону Таниного дома и дальше — за речку. Что-то в нем потрескивало и искрилось. Будто за волшебной дудочкой стали пробираться они за шаром. Через забор, примятую ливнем траву, по квакающему болотцу. И снова через забор — в Танин огород. Через калитку на солдатский выезд. Рты раскрыли, ноги сами бегут, один шар перед глазами.

— Эй, куда! — закричал дядя Леша. — Это ж молния, дуры, куда!

Бросил Танин пакет с нотами, кинулся в обход догонять:

— Стой! Кому говорю?! Леший вас подери, стой!

Шар вдруг задумался. Застыл над рекой. Покрутился, потрещал и метнулся в брошенный дом на том берегу. От дома вообще уже одни стены остались. Откуда хочешь, заходи. Шару, видать, и понравилось. Что-то там, в доме, загудело, хлопнуло, и наружу вырвался огонь.

— Догнал! — схватил зачарованных девок за шкурки дядя Леша. Ничего внушительней у него не получилось — запыхался. И сам загляделся на разрастающееся пламя. В хороших книжках уже б заревели сирены и примчались пожарные. Но в действительности никто никуда не спешил. Дом благополучно горел. Потом, что осталось, люди на дрова разобрали. Или на угли.

Снова пошел дождь. Слепой сентябрьский дождь при светлом солнышке. Расколдовал застывших зевак и выпустил над городом ленту радуги!

Прибежала тетя Галя, и дядя Женя, с прилипшей в уголке рта папиросой, тоже прибежал. Прибежала с работы мама, хотела поругаться на мокрую, перепачканную Таньку, но, увидев, что все радуются, решила подождать и сама обрадовалась.

— Радуга! Радуга! — заливалась Тома.

— Дождик! Дождик! — кружилась на месте Таня, подставляя под теплые струи лицо и ладошки.

— Это ж молния! Настоящая шаровая молния! — дядя Леша руками показывал опоздавшим размер шара. — Смотри, как горит.

— Дела! — удивился дядя Женя.

— Дела! — удивилась Танина мама.

— Идемте чай пить! — подытожила тетя Галя.

Где-то в горах согласно громыхнуло. Да так, что все вздрогнули. И дождь кончился.

— Тома, карты не врут! — ликовала Таня. — Когда во второй раз на желанье сложилось, я чудо загадала!

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Таня волновалась — грудь отказывалась расти. Набухли два пупырышка — и вся красота. А хотелось очертаний. Как у Томки дяди Лешинной. Ей, когда на крыше загорать раздевается, вся воинская часть улюлюкает. Солдаты в казарменных окнах гроздьями висят, головы вытягивают и кокают. Томка в ответ копной рыжей тряхнет и медленно-медленно лямки на спине поправляет. Потом на живот ляжет, а через секунду как бы невзначай перевернется. У солдат обморок.

Хотелось изгибов, линий, форм. Таня хоть и ходит на хореографию, а толку никакого. Впрочем, какой может быть толк от плие и гранд батманов, от натянутых носков и летящих рук, когда совершенно нет груди? Таня каждый день проверяет. В магазин сетки с пустыми бутылками волочит — проверяет. Спотыкается, зарываясь по щиколотки в наметенный песок, бутылками гремит — фу-у-у! Еще не хватало разбить, на творог не хватит. Или на сметану. А то и на масло растительное. И талоны эти вечно из кармана торчат, не потерять бы. Таня в руке их с добавленной трешкой прочнее сожмет и еще немножко идет, не проверяя. Но взгляд сам собой вниз падает. Будто от взгляда чего вырасти может. Эх!

Без груди замуж не возьмут. Не возьмут, и все. Это ей по секрету девчонки из параллельного класса нашептали. А замуж позарез надо. Потому что дом без мужчины рассыпается. Батарей засорились, труба под полом лопнула, забор в двух местах завалился. Новый сосед собак завел, пришлось самому поправлять, чтоб не сбежали. Тут еще десять тонн угля привезли, на тротуар свалили, люди ходят, ворчат. Вечером вышли с мамой на пару и давай: мама сверху сразу в углярку кидает, Таня снизу по полведра через дверь таскает. Уже и ночь рядышком у забора притулилась, а куча все не убывает.

Парень с папочкой мимо пробежал, остановился. Фонарь тусклый, не видно, что за парень. А только весь в белом.

— Хозяйка, инвентарь найдешь? — спокойно интересуется.

Мама опустила занесенную было лопату, пристально взглядываясь в белое пятно.

— А запачкаться не боишься?

— Постираем, — кашлянул в кулак.

Лопата нашлась. Парень рубаху скинул, папочку под сирень поставил, на руки поплевал...

— Погоди. Я сменное поищу, — заторопилась мама. — Отцово подойдет. Я сейчас.

Принесла трико. Незнакомец зашел за смородину, переоделся. Мама унести хотела, не дал. Она за лопату, он древко перехватил:

— Оставьте, я сам. Спать идите. Ваша-то вон спит на ходу, — кивнул на Танюху.

— Ну ладно, — пожалла плечами мама.

Таня с мамой вскопили с рассветом, знакомого уже и след простыл. Чистенький подметенный тротуар, прикрытая углярка... Даже имя не спросили, кому теперь спасибо говорить?

Через пару дней незнакомец сам заглянул, проверить, не надо ли чего? Надо. Шкаф книжный передвинуть. А то совсем на стену завалился. Передвинули.

— Сколько с нас? — небрежничает мама.

— Спасибо, я, наверное, побегу, — задержался на секунду в дверях и, правда, убежал.

— Мам, ты чего? — разозлилась Таня. Даже ногой притопнула. Опять прошлапила! Мужчина настоящий! А вовсе не так себе парень! Только настоящие мужчины приходят незаметно и смотрят долго-долго теплым внимательным взглядом. В глаза прямо смотрят и не боятся. Девочка локти кусала, но от рационализаторских предложений воздерживалась. Оказывается, новый папа и будущий муж — совсем не одно и то же. Да и вкусы у мамы с Таней не совпадали. «Горе мне с тобой», — бормотала девочка про себя и уходила в комнату. У мамы характер. Маму не погладишь. Разгадал ее незнакомец...

Придется самой замуж выходить. Хорошо бы за Димку Алехина. Он ей с первого класса нравится. Высокий, спокойный, почти ни с кем не водится. Зато быстрее всех читает. Да так складно! Складнее только у Сашки Шевцова получается. Но у Димки голос! Баритон. Бархатный, как цветок фиалки. Голос у него раньше всех поломался, и слушать его — удовольствие. Так от него уютно. Таня потихоньку за ним в библиотеку ходить стала, в читальный зал. Выучилась после уроков формуляры заполнять, попросилась помощником библиотекаря. Чтобы знать, что он читает. А как же! Человека по книгам узнать — раз плюнуть! Димка на переменах засядет, страничками шуршит, глаза по строчкам бегают. Таня в формуляр запишет и следом те же книги берет: «Дочь Монтесумы», «Всадник без головы», «Янки при дворе короля Артура», «Похождения бравого солдата Швейка», но это так, на переменке. Домой Димка занимательную ботанику берет и Брема. Пришлось маме трехтомник заказывать, чтоб одновременно с Димкой прочитать. А то вот еще за энциклопедию взялись. Большую Советскую. Димка четырнадцатый том приканчивал, Таня кое-как с двенадцатым поспевала. Друг от друга томами отгородятся, сидят. Нет-нет да выглянет Димка поверх своего четырнадцатого. Взглядом по Тане чиркнет. Голубой, пронзительный взгляд у него. Аж мурашки по спине. Таня терпит. Заливается румянцем, но глаз не отводит.

Так бы они всю энциклопедию и перечитали, да Димку в другую школу перевели. Обидела его училка. А Димка ранимый. Замкнулся. Отвечать на вопросы перестал. Не любил, когда унижают. Таня еще раньше за ним заметила. Но это ей в нем и нравилось — достоинство, а не пацанство. Ну вот, а эта налетела, наорала, сама запуталась и распутаться уже не смогла. У Димки двойки по литературе в дневнике поплыли за устные ответы, вернее неответы. Родители за голову схватились, от мальчика ничего не добившись, взяли и забрали. Откуда им было знать, что Танюхе без него никак?

По городу носились разукрашенные «Волги» и «Чайки», на чьих-то свадьбах играла музыка всю ночь. Танюшка двушку выпросит вечером, типа позвонить, домашку перепроверить, а сама к ресторану — в окна уставится, как жених неве-

сту на руках качает. Как кутается целомудренно в ее фату под настойчивые крики «Горько, горько!». Как ведет ее внимательно среди разгулявшихся гостей, чтоб не споткнулась, не уронила чего на воздушное белое платье. Счастливые! От чего люди такими счастливыми делаются? Смотрят друг на друга и наглядеться не могут. Хотя и грустных невест Таня тоже встречала. Сколько хочешь! Ей счастье, она — в слезы. Это как раз понятно. Про невзаимную любовь она, сколько хочешь, рассказать может. Мама до сих пор не пристроенная, да и Димка еще не зажил...

Понуро бредет Таня обратно. Фонари вспыхивают, и длинные тонкие тени разбегаются из-под ног. Налево пойдешь... Направо пойдешь... Да хоть наискось, маму не переделаешь. Маме кого попало не надо. Ей в Москву хочется. За майора замуж. Ну или еще за какого офицера.

Потому что тетя Роза из Поронайска за офицера вышла. И тетя Нюра из Крабозаводска тоже давно за пограничником. У военных паек, проезд, проценты и жилплощадь. Мама давно поменять думала дом на комнату в коммуналке. Хотя бы. Но в маленькую комнату целый дом не впишешь. Куда книги девать, которых две комнаты и еще чердак? А пианино? А учебники с тетрадками? А хрусталь с сервизами? Нет, и захочешь — не впишешь. Комната девять метров. В доме же, как ни крути, пять комнат. И чердак с мансардой.

Таня маминых подруг любила. Соберутся, весело с ними. Танцы устроят, песен напеют. Вроде счастливые. Только счастье их путаное какое-то. Вот тетю Розу взять. Зачем она по всей квартире мужа саблей гоняет? Тот обижается и уходит каждый раз насовсем. Иногда даже без носков. А тетя Ида? Та, что из проката... Дома у нее мужкотик, сама вся такая киса. Улыбается, глазки строит, а чуть что — бежит к своему строителю. Тот уже никакой не котик. Просто Игорь. Живет на другом конце города. Квартира однокомнатная. Только тете Иде все равно. Она там себя счастливой чувствует. Совсем другая там тетя Ида. Зачем она с «котиком» мучается? Затем, что Таня ничего не понимает в жизни, и не ее это, в общем-то, дело. А если будешь много знать...

Пришла как-то из школы, а мама сидит, пластинку слушает и плачет. Хотела спросить, да сама заслушалась. Взяла молча конверт от пластинки посмотреть — «Дорога к Пушкину». Поет Николай Караченцов. Не поет, почти говорит, а слова, как река, внутри разливаются:

*Ослепителен бал от улыбок,
колье и медалей,
только скрипка грустит,
и ее утешает фагот.
И средь бала судьба
безмятежное имя Наталья,
словно голос с хоров,
заговорищицки произнесет.
Что за дикий соблазн —
называть ее робко невестой,
повторять про себя,
как молитву, ночной монолог:
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
да храни тебя Бог!
Да храни тебя Бог!
Да храни тебя Бог!..»**

* Здесь и далее — стихи Владимира Гоцуленко (Дорога к Пушкину, 1989 г.).

Таня потом всю пластинку вдоль и поперек переслушала. Что-то невидимое, почти неслышимое, из других совсем песен приподняло ее над землей и понесло. То ли черный ворон, то ли любовь, то ли судьба... Чужая судьба, незаметно ставшая своей.

— Красивые слова! — поясняла мама.

Да-да, красивые, но не слова. Другое. Совсем другое. Красивые — люди, поступки, мысли. Слова эти — душа, долг, честь... Неужели взрослые могут так серьезно к ним относиться? Вот этот Пушкин, который про рыбака и рыбку, вдруг пошел на дуэль. Умер за оскорбление? Вот так вот, да? Отдать жизнь за честь жены, свою честь?..

Таня стремительно превращалась в Татьяну. А мама все плакала над своею мадонной.

*Мир спасет красота —
оттого он порою чудесный,
хоть стоит, как жандарм,
век бесславный на славной Руси.
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
если можешь — спаси.
Если можешь — спаси.
Если можешь — спаси...»*

Нет-нет, Таня ошарашена совсем другим. У нее в ушах другая музыка, хоть и с той же пластинки:

*Черный ворон кружит...
Ах, зачем эти белые ночи
удлиняют опять наступившие
черные дни?
Жизнь одна — эта правда превыше
внезапных пророчеств,
хоть всего лишь вчера
этой правдою были они.*

Но мама плачет. Мама хочет быть мадонной. Хоть тресни. Придется опять самой соображать. Отставить в сторону красивых людей и совершить наконец хоть какой-то поступок. Таня задумалась. За окном падали снежные хлопья, обрамляя раскисшую октябрьскую жижу и рыжую, пожухлую траву. Там, за рекой, растворялись в туманной дымке пятиэтажки, прячась от ее решимости. Что? Что сделать?

— Подари ей цветы, — предлагает, не задумываясь, Вика проверенный рецепт.

Легко сказать — цветы! Летом еще куда ни шло. А сейчас... Попробуй найди, да и стоят невообразимо дорого.

— Три рубля штука, — отчеканивает грузная продавщица с синими веками, подпиливая ногти.

Три рубля!.. Один цветок дарить неинтересно, минимум три — уже девять! Таня сникла. Но тут же начала считать. Можно обойтись без школьных завтраков. До Нового года два с половиной месяца. За октябрь деньги уже сданы. Но за два месяца — это 6 руб. 90 коп. Плюс два месяца походить в музыкалку пешком. Это еще 3 руб. 00 коп. Итого: почти десять рублей! И Таня начинает экономить. На всякий случай на мороженом тоже. Стоит и смотрит, как тетенька в куртке-дуты-

ше продает на крыльце магазина пломбир в вафельных стаканчиках, вынимая его из деревянных ящиков. Ребятня ее обступает, несмотря на навалившиеся холода, улыбки искрятся на коротком осеннем солнышке. Мамы покупают пломбир до-мой пакетами, бабушки деловито отсчитывают на ладони мелочь. Ой, лучше уже и не смотреть.

В музыкалку ходить далеко, Таня опаздывает. Но просит не говорить маме, потому что она экономит и у нее секрет. Она будет стараться. Выходить еще раньше из дому. Просто чуть-чуть не рассчитала. Только лед расплылся по городу, девчонки на хореографии надоумили на коньках приезжать. Таня достала коньки, смазала лезвия. На обратном пути оказалось, что улицы посыпали песком. Идти пешком на коньках через весь город — невыносимо. Кое-как до остановки доползла. Ладно, разочек — садится в «Икарус». И больше никаких коньков! «О Мадонна моя! Ты мой ангел прелестный...» — напоминает дома голос с хрипотцой.

Мадонна тем временем ищет третью работу. Не находит. И садится на телефон. В руках у нее дорогие мужские часы. Командирские. Подарочные. Пытается продать. Набирает по телефонной книге номера солидных предприятий и предлагает директорам: «Часы, представительские. Нет, не «Роллекс», но около того...» Таня случайно увидела, когда на работу к маме из музыкалки прибежала. Она всегда сначала в щелочку подсмолит, одна ли, потом только заходит. Все сжимается внутри, и она замирает снаружи, проглатывая противный сухой ком.

Деньги скопились. Таня стояла в длиннющей очереди за синюшным цыпленком, потому что бройлеры уже кончились, и оглядывалась на прилавок возле двери. Там торговали цветами. Маленькие замученные гвоздики склонили головы почти к столу. Но и они таяли на глазах. Таня знала: не купит сегодня — не купит никогда. За неделю до Нового года цветы пропадали насовсем. И появлялись только к Восьмому марта. Можно, конечно, и на двадцать третье февраля поискать. Но цена нечеловеческая. На уличных теток девочка не рассчитывала. У них в ящиках гвоздики и крупнее, и душистей, и свечкой подсвечены-обогреты, но — пять рублей штука! Сложение вычитало все порывы. Неумолимо.

Вспотев и издергавшись, с набитой сумкой, Таня наконец протиснулась к цветам. В банке остались как раз три подвяленные гвоздики бывшего революционного цвета. Да, не о таком подарке она мечтала. Ну хоть эти!

— Забираю все! — торопится Таня.

— Завернуть? — хлопает продавщица синими веками.

— Конечно!

Таня несется домой, прижимая запряганные за пазуху цветы. Ставит у себя под столом в банку. Разделяет цыпленка, готовит бульон. Снова возвращается, оглядывает покупку. Доживут ли? Еще неделю ежевечерне проверяет свой закут, наблюдая, как чернеют по краям и усыхают бутоны. «Ну, миленькие, ну, пожалуйста, потерпите. Ну чутьчку!» Цветы скукоживались, не обещая ничего конкретного.

*Беды, словно гроза,
не спеша отойдут и воскреснут,
но уже для двоих.
И замрет в предвкушенье толпа...
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
жизнь отдам за тебя.*

*Жизнь отдам за тебя.
Жизнь отдам за тебя».*

«Хорошо им там, в девятнадцатом веке...» — думает Танюшка, выползая ночью в секретный угол на очередную проверку. Свернется под столом и сидит до рассвета. А вдруг они дольше проживут, если с ними рядом посидеть... Ничего неизвестно. Бабушка давным-давно говорила, что все живое ласку любит. Если к живому с теплом и лаской, так не захочет, все равно жить будет. И так ли уж хорошо в том девятнадцатом веке? Дуэли, расстрелы, бесы, сыщики, царский гнев, долги, тюрьма... Таня берет ручку с тетрадкой и впервые выводит неуклюжие робкие строчки. Настолько робкие, что тут же вымарывает их насовсем. А вдруг кто увидит. Может быть, даже посмеется. Разве можно маленьким девочкам... Что вообще можно маленьким девочкам?

Как-то она все же отрыла альбом о Пушкине, с портретами, отыскала Наталью Николавну. Узкое фарфоровое личико, тонкая шея, нежные плечи, аккуратная грудь (будь она неладна!)... Талия перетянута шелковым поясом, утопает вся (настоящая Мадонна) в кружевах и атласах. А Таня? А мама? Никакой тебе тайны. Никакого бала. Никаких мужчин...

Но наступает Новый год. Таня с мамой достают белую скатерть, собирают на стол праздничный ужин, вынимают из серванта сверкающие хрустальные бокалы. Мама зажигает свечи. Потому что уже сумерки и хочется сохранить тайну. Угадать новый год издалека, по бесшумным, легким шагам. Электрическим светом только отпугнешь. Вот когда пойдет да присядет, привыкнет как следует, вот тогда можно уже и свет зажечь. Раньше никак нельзя. Что-то еще непременно надо успеть сделать, пока он у тебя в гостях тут сидит и не идет дальше, к другим. В другой часовой пояс, на другую сторону планеты. К другим детям и их одиноким мамам. Потому что там, где есть мама и папа, и даже бабушки с дедушками, там Новому году делать нечего. Там и так волшебства хоть отбавляй.

Мама надевает любимое коричневое платье. Пристегивает виноградную кисточку — янтарную брошку. У Тани дела попроще. Розовое платье с расклешенной юбкой да конский хвост затянуть.

— Сейчас будет подарок! — Гвоздики все же достояли. Уговорила.

Мама ахает. Ставит цветы в вазу. И даже забывает поругать. Сияя, протягивает в ответ два апельсина. Ну вот, обменялись.

Новый год потихоньку садится с ними за стол. Слушает, как они бесконечно желают друг другу всего самого хорошего. И даже счастья. Потому что Таня уже понимает, что оно такое, это счастье. Это когда глаза вот так светятся навстречу друг другу, а не смотрят сквозь, как обычно. Из зала им в столовую нашептывает все та же пластинка:

*Если счастье дано,
то дается оно ненадолго,
и счастливым о том
до поры не положено знать.
Беззащитна любовь,
но клинок и понятие долга,
слава Богу, пока у мужчин
никому не отнять.
Снег ночной упадет бездыханно
стеною отвесной
на заказанный путь —
по дороге не будет трясти...*

*«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
если сможешь —
прости...»*

Две мадонны потихоньку засыпают. Одна непременно вздыхает, но сладко спит до самого утра. Другая, та, что поменьше, ворочается. Ей снится Черная речка, на которой она никогда не была. Рядом с домом тоже речка течет. Почерневшая под нависшей с берегов белоснежной шапкой. Снится маленький кудрявый человечек. Сейчас он сделает свой выстрел и промахнется. Но не промахнутся в него. Капельки крови покатаются по январскому насту. И кончится жизнь. Кончится, кончится, кончится... Пусть не сразу, но позже... Как это невероятно, что жизнь может кончиться. Как мамины гвоздики. Навсегда.

*Если вечна душа —
отчего же она так ранима?
Если нету души —
что же это под сердцем болит?*

